

**Отрицательное воздействие Западного либерального мировоззрения на уголовное
судопроизводство России,
на примере протестантских воззрений И. Канта и Г. Гегеля
Середнев В. А.¹, Егутов А. В.²**

¹Середнев Владимир Анатольевич / Serednev Vladimir Anatolievich – преподаватель;

²Егутов Артем Валерьевич / Egutov Artem Valeryevich – студент,
кафедра права, философии и социальных дисциплин, факультет экономики и права,
Арзамасский филиал

Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, г. Арзамас

Аннотация: в статье показано отрицательное воздействие Западного либерального права на уголовное судопроизводство России. Описаны основные черты западного человека и русского человека, на основании чего выделен либеральный эгоизм в регулировании общественных отношений в области судопроизводства, который неприемлем для русского человека, для которого одним из основных регуляторов должны быть нравственные и духовные аспекты.

Abstract: in the article shows the negative impact of the Western liberal rights in the criminal proceedings in Russia. The basic features of Western man and a Russian, on the basis of which highlighted the liberal selfishness, in the regulation of social relations in the field of justice, which is unacceptable for the Russian people, for which one of the main regulators must have the moral and spiritual aspects.

Ключевые слова: либерализм, И. Кант, Г. Гегель, Запад, мораль, русский, душа, духовность, традиция, нравственность, народ, уголовное судопроизводство.

Keywords: liberalism, Kant, G. Hegel, West, morality, Russian, soul, spirituality, tradition, morality, nation, criminal proceedings.

Существует преемственность государственного права, которая восходит к «Правде Ярослава», далее к «Правде Ярославичей» и так вплоть до «Судебника» Ивана Грозного, к постановлениям Стоглава, и позже - к петровской «Табели о рангах»... Неважно, как были на каждом этапе сформулированы правовые модели; важно, что они всегда помещали русское общество в правовой контекст.

А. Г. Дугин

Существуют всегда истоки, так называемого «творческого наследия», т.е. деятельность и творчество определенных лиц, которое могло бы положительно воздействовать на те или иные общественные отношения. Если говорить об уголовном судопроизводстве России, то мы точно знаем каких мыслителей ни в коем случае нельзя считать источниками для использования их творчества в уголовном процессе России. Это немцы И. Кант и Г. Гегель.

Следует сказать, что творчество этих двух западноевропейских мыслителей конкретно не подвергалось изучению, с целью установления отрицательного воздействия на механизм Российского уголовного судопроизводства. Хотя применение творчества Г. Гегеля, относительно уголовного судопроизводства России, рассматривалось, например, профессором В. Ю. Толстоуцким, в работе «Гегелевская гносеология как основа понимания места следователя в системе досудебного производства по уголовному делу» [25, с. 513-518]. Но в данной работе нет ответа на вопрос, как влияет творчество Г. Гегеля на формирование, например, убеждения следователя, а самое главное на его *нравственное отношение к своей деятельности*, при принятии определенных процессуальных решений, проведении следственных действий. Нам же думается, что Г. Гегель, так же как и И. Кант, были выходцами из протестантской культуры, соответственно их творчество не может соответствовать культурному архетипу, исторически-мифологическим образам, а также духовному и нравственному наследию русского народа, культура которого самодостаточна. Исторически-мифологический образ выглядит следующим образом: «Черта, характерная для русского менталитета, - это гуманное мировоззрение, когда на первом месте в системе ценностей человека стоят судьбы всего человечества, на втором плане - судьба своего народа, на третьем - судьба своей семьи, собственная судьба...» [17, с. 148-149].

Убеждения морального характера, а также все творческое наследие И. Канта и Г. Гегеля являются плодом протестантской культуры, которая, по мнению М. Вебера, является одной из причин возникновения современного капитализма [7]. Основные отличительные ментальные понятия от русского менталитета в том, что в протестантской культуре отдается приоритет не содержанию, а форме. Для русского духа характерна вера в содержание (в сущность), а не в форму, содержание всегда первостепенно, а форма вторична. Историк права Ф. В. Тарановский писал: «Ни один народ не показывает такого отвращения к форме, как русский, ни в одной истории не встречается такой недоверчивости, неуважения к форме, как в русской... И в этом отношении русская история представляет совершенную противоположность с западной: там форма считается главным условием счастья гражданского человеческого, и западные народы, французский в особенности, ищут ее без памяти, от утра до вечера...» [24, с. 75]. В нашем случае уместно

говорить о форме права, а конкретнее, рассмотрении уголовно-процессуальной формы. Русский человек, он другой, отличный от западного, западный человек, прежде всего - человек технический, русский же - духовный. Отрицательно к юридической форме в русской среде относились не только, близкий к славянофилам, историк М. П. Погодин, но и философ - славянофил Ю. Ф. Самарин, философские взгляды которого в начале жизненного пути формировались под воздействием философии Г. Гегеля, но впоследствии, изменил свои взгляды, после знакомства со славянофилами К. С. Аксаковым, А. В. Киреевским и особенно с А. С. Хомяковым, который и оказал влияние на его дальнейшее мировоззрение, направленное против западной либеральной мысли. Более того, русские мыслители западного направления («западники»), также отрицательно относились к форме. Среди них можно назвать русского философа, писателя и педагога А. И. Герцена [24, с. 77-82], который, указывал: «... предметное существование внутреннего есть именно внешнее: внутреннее, не имеющее внешнего, просто безразличное ничто» [9, с. 23], то есть форму видел всегда в единстве с содержанием.

В отличие от духовно-нравственных установок, в которые входят содержание (сущность), западная либеральная, в том числе и протестантская культура, не видит себя без формы, поскольку нравственным основаниям, как совесть, долг, честь не придают значения, считают эти феномены рудиментами, в том числе и в уголовно-процессуальной деятельности. Для русского же человека, например, совесть, один из механизмов, регулирования уголовно-процессуальных решений. «...Совесть? Это внутреннее судилище русского человека, его внутренний долг перед всем обществом. Совесть в душе человека есть основной признак топики русского человека. Если убить совесть в русском человеке, наступает смерть его души. Любая попытка изъятия из русской топики души расценивается нами как нашествие вируса, как эпидемия, как тяжелое заболевание» [20, с. 227]. И верно замечает Т. Л. Миронова: «У других народов нет славянского понятия «совесть», этот феномен в западной матрице если и рассматривается, то как «внутреннее знание» [17, с. 269]. И конечно необходимый элемент русского человека - нравственность, вписанная в его душу. «У человека все же есть душа, именно «душа» в понимании русской топики, и есть совесть... Анализ западной литературы по социологии, психологии, философии показывает, что западные (европейские) авторы не пытаются изучать феномен души человека» [20, с. 227]. То есть, точнее сказать, что «Западная научная парадигма отрицает присутствие в человеке души» [20, с. 227].

Например, И. Кант, занимаясь учением о праве, вообще не придавал надлежащего значения содержанию (сущности), отдавая предпочтение форме, а уж тем более нравственной стороне регулирования общественных отношений в области судопроизводства. В связи с этим И. Кант указывал: «... право, имеет своим объектом внешнюю сторону поступков... оно чисто и не смешивается ни с какими нравственными предписаниями» [15, с. 597]. То есть И. Кант, как и всякое лицо, поддерживающее либеральную Западную идеологию не видит связи между правом и культурой, исторически-мифологическом наследием, духовно-нравственными ценностями народа. Однако, правовая наука и смежная с ней (мы в этом убеждены) наука философия, пытается рассматривать воззрения И. Канта и Г. Гегеля как эффективные средства борьбы с негативными проявлениями как в праве, так и в обществе в целом. Например, профессор Ю. К. Волков в своей работе «Философско-политические и философско-правовые интерпретации понятий преступление и наказание», исследуя творчество Г. Гегеля, относительно права замечает: «... как считает Гегель, государственные законы не могут распространяться на моральные убеждения...» [8, с. 148]. А мы убеждены в том, что как раз государственные законы и распространяются на моральные убеждения, но не на нравственность, поскольку мораль это закон, а правоприменитель - это нравственность. Более того, необходимо указать, что форма преобладает над содержанием не только в уголовном судопроизводстве России, где одним из требований допустимости доказательств с точки зрения достоверности является установление источника доказательства, но и в оперативно-разыскных технологиях, где результаты оперативно-разыскной деятельности не являются доказательствами по уголовному делу, причина - «засекреченный» источник информации. Хотя на наш взгляд, важнее содержание информации и ее проверка, а не установление источника, который не имеет связи с достоверностью информации (достоверность информации не зависит от того известен источник или нет).

Даже если рассмотреть сегодняшнюю систему принципов уголовного судопроизводства России, то очевидно, что практически все они сформированы, на концепции западного либерального учения «права человека», соответственно в принципах индивид, ставится выше общества, что противоречит русскому традиционному сознанию. Если же обратиться к истории, а точнее к УПК РСФСР, то в его содержании, мы увидим «классовый подход в обществе». Таким образом, в уголовно-процессуальном праве, можно отличить с одной стороны два формально различных учения, которые в своей сущности и «единстве борьбы противоположностей» - едины в целях. Это доктрины И. Канта «Учение о праве» и Г. Гегеля «Философия права» [18]. На основе данных учений были воссозданы две теории (концепции) уголовного судопроизводства. Одна концепция, нам известна, как либеральная порожденная на основе трудов И. Канта. Вторая концепция уголовного судопроизводства «марксистско-ленинская», появившаяся на свет, благодаря работам Г. Гегеля. Более того при рассмотрении принципов уголовного процесса, можно увидеть, что принципы как концепций либералов, так и марксистов формально как бы отличаются, но цель преследуют одну, где во главу угла ставят принцип законности. «...В отечественной юридической литературе как дореволюционной [28, с. 75] и советской [23, с. 125], так и нынешней господствующей является точка зрения, согласно, которой законность является гарантией господства права над иными детерминантами

уголовно-процессуальной деятельности» [10, с. 101-103]. Но это не совсем так, потому что во-первых, «уголовно-процессуальные отношения - это точка пересечения не только профессиональных, но и жизненно важных интересов людей, а в качестве механизма восстановления социальной справедливости - интересов всего общества» [29, с. 26]. Во-вторых, законность это правовой режим, который предполагает, чтобы граждане и должностные лица, строго соблюдали правовые нормы. Но дело в том, что все правовые нормы (законы), предусмотрены для применения в нормальных, обыденных жизненных ситуациях. В связи с этим немецкий юрист, философ и политический теоретик К. Шмитт, указывал, что «юридические нормы описывают только нормальную политико-социальную реальность, протекающую равномерно и непрерывно. Только к такой сугубо нормальной ситуации применимы в полной мере понятие «права», как его понимают юристы. Существует, конечно, регламентация «чрезвычайного положения»...» [12, с. 156]. К. Шмитт выдвинул теорию об «исключительных обстоятельствах», вот, что он о них писал: «Это момент, когда принимается политическое решение, в ситуации, которая не может быть более регламентированной обычными юридическими нормами. Решение в “исключительных обстоятельствах” предполагает соединение множества разнородных органических факторов относящихся как к традиции, историческому прошлому, культурным константам, так и к спонтанному волеизъявлению, героическому преодолению, страстному порыву, внезапному проявлению глубинных экзистенциальных энергий. Истинное решение... принимаемое именно в состоянии «разрыва» юридических и социальных норм...» [12, с. 158]. Анализируя работы К. Шмитта, мы полагаем, что он, верно, считал, что «исключительные обстоятельства» всегда спланирует народ, мобилизует его на борьбу с «абсолютным злом», с агрессором [30, 31, 32]. На наш взгляд взгляд, верно интерпретирует Ален де Бенуа «исключительные обстоятельства» К. Шмитта: «Иными словами, чрезвычайная ситуация, или исключительное положение, определяются через внезапное возникновение редких событий или непредвиденных ситуаций, которые в силу своего угрожающего характера требуют немедленного ответить на них мерами, которые сами исключительны (ограничение свобод, законом военного времени, осадным положением и т.д.) но считаются единственно подходящими для данной ситуации» [3, с. 120]. То есть может возникнуть обстоятельство, при котором необходимо будет принимать решение, не соответствующее норме закона, но которое должно базироваться на нравственно-духовном состоянии правоприменителя, и это решение должно быть единственно верным для защиты общества и государства. Именно по этим причинам не можем мы принцип законности считать основополагающим.

В настоящее время мы можем констатировать, что основой уголовно-процессуального законодательства России являются идеи двух немецких идеалистов философии И. Канта и Г. Гегеля (естественно идеи, которые впоследствии были интерпретированы либеральными идеологами). А именно:

«кантианство» (она же либеральная идеология) и «гегельянство» в нашей стране известная в качестве марксистской идеологии). Более того, в настоящее время дух либерально-протестантской идеологии пришел в научное творчество, которое в определенной мере пересекается с уголовным производством. Например, мы не так давно, направлял одну из научных статей в журнал «Вестник ДВЮИ МВД России», в публикации было отказано лишь по той причине, что формальное требование публикации – «500 слов в аннотации», а у автора было 506, требования - не менее 10 листов, а у автора 9 листов. То есть никого в существующей либеральной парадигме не интересует смысл действительности, его содержание, либералы заставляют нас делать упор на форму и без содержания, а это уже связано в переход в совершенно другую социальную формацию, которая называется - постмодерн.

Может возникнуть вполне закономерный вопрос, «почему немецкие философы, а не японские или китайские, или может другие?» Ответ достаточно тривиальный, дело в том, что историческая реальность такова, что в свое время в Российской Академии наук из 13 академиков, например первого состава 1725 года, девять являлись немецкими учеными, приглашенными для работы в Россию. Считается, что в ходе развития Российской Академии наук к началу XX века Российская Академия наук по своему авторитету и влиянию встала в один ряд с самыми знаменитыми научными центрами мира, и во многом этому способствовали ученые немецкого происхождения [22]. Вот таким образом на почву русской мысли был занесен «ген» немецкой мысли и «в отечественной юридической науке учения как о понятии принципа уголовного процесса, так и об их системе формировались на западноевропейской методологической платформе» [1, с. 98].

Соответственно на сегодняшний день сущность УПК РФ составляет либеральная идеология, а УПК РСФСР, идеология марксизма-ленинизма (за небольшими исключениями, как в той, так и другой, которые, по сути, не имеют решающего значения, так как не устраняют отрыв от культурных ценностей русского народа).

Но нужно заметить, что либерализация российского уголовного процесса по западному типу, началась не «вчера». Отправной точкой, либерализации уголовного процесса России, на наш взгляд следует считать судебную реформу Александра II 1864 года, которую продолжил Александр III, направив свои реформы на стабилизацию (консервацию) социально-политической жизни в Российской империи после либеральных реформ предыдущего царствования. «Проведение судебной реформы на основе либеральной идеологии привело к отрыву от традиционных религиозных основ российской общности... от проведения либеральной реформы того времени стало формирование общественного атеизма и “духа чиновничества”» [6, с. 21]. Нужно сказать, что именно эти две реформы, второй половины XIX века, основой которой стала

либеральная концепция общества, в итоге привели к разрушению государства (многочисленные бунты, и в конечном итоге захват власти преступной группировкой большевиков в 1917 году).

После прихода к власти, большевики, стали менять либеральные основания в праве (в том числе и в уголовно-процессуальном) на марксистско-ленинские основы организации уголовного судопроизводства, основанном на теории материализма и без духовности. «Западноевропейская либеральная парадигма уголовного судопроизводства была поглощена столь же западной правовой идеологией, а именно марксизмом» [1, с. 102].

Такие авторы, как Агутин А. В. и Агутина Н. В., пишут, что в России самыми страшными последствиями либеральных реформ стало: «семья не уважает школу, школа не уважает семью, чиновник не уважает церковь... Не только к этим последствиям приводила либеральная идеология. Она усматривала свой идеал в создании циничного и умеренности эгоистического общества, не помнящего своих культурных традиций и национальных корней» [2, с. 85]. Что тут можно сказать? Либералы убеждены, что общественные отношения должны регулироваться только экономическими законами и как они считают универсальной концепцией «прав человека». Понятия совести, души, преданности национальным истокам, да и уважение к старшим по возрасту, чуждо либеральному сознанию; эгоизм для них святость.

Самую главную опасность, на наш взгляд исходящую от либеральных ценностей не указывают авторы, а опасность это таится в «свободе», только свобода бывает разная. У либералов свобода нужна ни «для» чего либо, а **«ОТ»**, а конкретнее от любой групповой идентичности. Как это понимать?

Название философии либерализма происходит от понятия «свободы», «liberti». Все принципы этой западной идеологии основаны на этих же понятиях. В каждой идеологии, есть свой субъект истории, который ставится «во главу угла». У коммунистов это «класс», у фашистов « государство» [13, с. 30], у нацистов «антропологические признаки и превосходство одной расы над другой», а у либералов «индивидуум», который освобождается от всех форм коллективной идентичности - этнической, национальной, государственной, религиозной, кастовой и т.д. Соответственно, нужно четко видеть, что либералы «...разделяют « свободу от» (liberty- свобода), которую считают моральным императивом общественного развития, от «свободы для» (freedom)- нормативизации того, как и для чего эту свободу следует использовать: последнее оставляется на усмотрение самого субъекта истории (индивидуума)» [13, с. 46]. По нашему глубокому убеждению субъектом истории должно являться Государство, мощное, сильное, суверенное. Потому что, и это очень важно для понимания нашей позиции, что **«государство, начиная с Платона, мыслится как прямая гомология онтологической структуры: оно отражает и выражает общую топикку представления о бытии. Государство мыслится как репрезентация и реконструкция бытия... Государство есть бытие человека, оно творится в ходе самотворения и самоутверждения человека самого себя»** [13, с. 67, 68]. Свою основную философскую идею в метафорической форме «государство - пещера», Платон выразил в работе под названием «Государство» [19].

Свое отношение к либеральной идеологии профессор А. Г. Дугин, выражает следующим образом: «...победившая в 90-е гг. XX в. в России и глобально, является наиболее концентрированным выражением того, что я ненавижу: индивидуализма, материализма, прагматизма, финансизма, “маленького человека”, эпикурейства, атомизма, эволюционизма, техноцентризма, воспеания “технического прогресса”, историцизма, нивелирующего эгалитаризма, секуляризма, евроцентризма и т.д. И я понял, что именно потому, что либерализм был наиболее чистой и кристальной концепцией зла, он и победил» [13, с. 78]. Говоря о свободе от любой групповой идентичности, уместно заметить, что «мужчина» и «женщина», это тоже групповая идентичность, соответственно в планах либеральных теоретиков освободить человека от пола. «В остальном же либералы идут довольно далеко, отрицая практически все традиционные социально-политические институты - вплоть до семьи или половой принадлежности... либералы выступают не только за свободу аборт, но и за свободу от половой принадлежности (поддерживая права гомосексуалистов, транссексуалов и т.д.)» [13, с. 89].

Россия и Европа, это совершенно две разных цивилизации, поэтому мы должны всячески противиться навязываемой парадигмы либерализма. Россия получала свой культурный архетип во-первых, из Византийской культуры, а во-вторых, из того, что связано с монголо-татарским иго и Империей Чингисхана, (картина художника В. М. Васнецова «Три богатыря» этому свидетельств, где следует обратить внимание на обувь «богатырей», кожаная обувь того времени, это обувь «степняков»). Что касается современной Европы, то она вобрала в себя культуру Римской империи. Соответственно – разные культуры, разные системы ценностей. Современная Европа в процессе навязывания России, своих культурных ценностей, ведет себя очень агрессивно. Она считает универсальными, такие ценности, как: «свободный рынок», «глобализация», и естественно «права человека». Либеральные «“Свобода от”» есть самая отвратительная формула рабства, поскольку она искушает человека на восстание против Бога, против традиционных ценностей, против нравственных и духовных устоев его народа и его культуры» [13, с. 100].

Итак, способна ли либеральная или марксистская идеология обеспечить национальную безопасность Российской Федерации? (хотя по нашему убеждению Россия должна быть унитарным государством, но это тема отдельного исследования). В монографии «Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства», авторы указывают, что «Либерализм и марксизм являются атрибутами западной философской культуры. Во всяком случае, и та и другая не способны своим потенциалом обеспечивать национальную безопасность ресурсами уголовного

судопроизводства» [1, с. 103]. Мы считаем, что на данный вопрос ответить однозначно нельзя, без рассмотрения его через призму политических идеологий. Например, с точки зрения национализма, ответ однозначен - «не способны»! Поскольку идеология национализма предусматривает идентификацию человека по культурному признаку (язык, территория проживания, соблюдения традиций, обычаев того народа к которому лицо относит себя и *предположение* происхождения от одних предков). Кстати, в отличие от нацистской идеологии, где человека идентифицируют по антропологическим признакам (цвет, волос, глаз, строение черепа, в основном нижней челюсти, а так же группы крови и др.) Поскольку, например идеология либерализма, предусматривает совершенной культурный архетип, то занесение его в культуру России и русского народа, может обеспечить «безопасность территории», но уже без понятия «национальная», без русского народа, проживающего на данной территории. Потому что, для того, чтобы уничтожить какой либо народ, не нужно стрелять и сбрасывать на него бомбы, это уже очень тривиально является уделом «не состоявшихся геополитиков». Для уничтожения народа, нужно уничтожить его культуру, и тогда народ исчезнет. Если же кто-то сторонник либеральных ценностей или является адептом марксистских «левых» теорий, то для них приемлемы «общечеловеческие ценности», которые не являются культурой отдельно взятого народа. Н. С. Трубецкой, считал, что приобщение к другой культуре происходит не сразу, а постепенно, и даже не заметно. Из поколения в поколение, где каждое поколение вырабатывает «свой канон синтеза элементов национальной и иноземной культуры... в народе, заимствовавшем чужую культуру... различие между “отцами и детьми” будет всегда сильнее, чем у народа с однородной национальной культурой» [26, с. 135, 237]. Переход к чужеродной культуре приводит к тому, что «Постепенно народ приучается презирать все свое, самобытное национальное... Патриотизм и национальная гордость в таком народе - удел лишь отдельных единиц, а национальное самоутверждение большей частью сводится к амбициям правителей и руководящих политических кругов» [27, с. 65].

Один из принципов в уголовном процессе, являющийся порождением либеральной идеологии, это принцип «презумпции невиновности». При СССР этот принцип представлялся, как один из принципов демократии судебной власти. В свое время один из адептов советской системы, правовед А. М. Ларин, указывал: «Демократический характер советской политической системы обуславливает многообразие связи правоохранительных органов со всеми слоями населения... граждане активно содействуют раскрытию и предупреждению преступлений, осуществляют демократический контроль за деятельностью правоохранительных органов...» [16, с. 4]. Для нас очевидно, что в тезисе, данном А. М. Лариным, содержится онтологическая ложь, хотя бы потому, что «Демократия - наиболее древняя, архаическая, примитивная и, если угодно, «варварская» форма политической организации. Древнейшие общества... были построены именно на демократическом принципе» [13, с. 101]. Ни в СССР, где господствовала марксистско-ленинская идеология, ни в современной России, где преобладает либеральная идеология, понятие «демократия» не имеет того смысла, который пытаются в него заложить во множестве определений данного феномена, содержащихся во множестве юридической и политической литературы (даже примеры определений «демократии» приводить не будем, каждый сам может посмотреть). Для нас же демократия, т.е. ее определение, а именно свойство этого феномена, которое никогда не изменится, даже если изменятся обстоятельства (например, поменяется политический режим), всегда будет обозначать одно: **демократия - это лезть власти, народу (населению); симулякр, созданный для введения народа (населения) в заблуждение относительно того, что народ (население) якобы может иметь какую-то власть.** Поэтому очевидно, что «Функционирование в советской идеологии формально несовместимого с ней постулата о презумпции невиновности является наглядной иллюстрацией совместимости советской и либеральной идеологии» [1, с. 105]. То, что в единении либеральной идеологии и «коммунистической» нет ничего странного, так как цель у них одна (способы достижения разные, именно на способах достижения целей в основном строилась вражда этих идеологий) превратить народ в «общетолерастов», «общечеловеков», без культуры, без национального самосознания. Например, «все россияне» - в либеральной идеологии или все «советские граждане» - в коммунистической (марксистской) идеологии. Национальность элиминируется, человек начинает терять свои традиционные корни и культуру.

В настоящее время мы имеем уголовно-процессуальное законодательство, которое основано на принципах либеральной идеологии.

Однако существующее уголовно-процессуальное законодательство, не в состоянии обеспечить достижение своих целей, возложенных на него **русским народом** и всеми **коренными** народами России. За остальные народы, населяющие Российскую Федерацию, мы отвечать не будем, ввиду критического состояния, кризисного положения русского народа, выражающегося в опасных симптомах. И в связи с этим не можем не процитировать высказывание профессора И. В. Дойникова: «Страна переживает кризис, она подошла к той точке, откуда может быть крутой путь вниз (и тогда территория, где существовала славяно-православная цивилизация, может быть заселена иными, более деятельными народами) либо произойдет всплеск патриотизма в новом качественном виде, тогда русская цивилизация вернется на мировую политическую арену» [11, с. 28].

То, что касается уголовно-процессуальной формы реализации обеспечения целей и задач судопроизводства, то для нас близка позиция евразийской теории права. Поскольку «Мы убеждены, что современному российскому обществу в правовом аспекте нужно национальное, традиционное, русское уголовно-процессуальное законодательство, базирующееся на традициях и обычаях русского народа, на его

самобытности, уникальности и неповторимости его судьбы... Мы - русские больше тяготеем к Востоку, к стороне Азии, чем к Европе» [20, с. 68]. «Целью принятия либеральной идеологии являлось уничтожение России, через превращение ее граждан на определенном этапе в собственников, принявших в основу регулирования общественных отношений свободу договора, личной наживы и ставящей во главу угла целью своей жизни «гедонизм» [21, с. 67-68]. Поэтому нам близки и понятны слова Г. В. Ждановой, которая указывала, говоря о евразийской парадигме права: «Эта теория, исходит из существования отдельных культур... Она предполагает, что национальная культура должна развиваться исходя из собственных начал, не допуская сильного влияния со стороны другой цивилизации или по крайней мере творчески перерабатывая достижения чужой культур Эта теория означает отказ от европоцентристской идеи культурно исторического прогресса и исключает подмену одной культуры другой, предупреждает об опасности навязывания всему человечеству так называемых «общечеловеческих ценностей...» [14, с. 36-46].

Русский, философ и религиозный мыслитель Н. А. Бердяев, писал: «Евразийство есть, прежде всего, направление эмоциональное, а не интеллектуальное, и эмоциональность его является реакцией творческих национальных и религиозных инстинктов на происшедшую катастрофу» [5]. И очень правильно на наш взгляд, пишут об «эмоциональном» в аспекте уголовно-процессуальной сферы авторы монографии «Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства», которые указывают: «В термин «эмоциональное в уголовной сфере» мы вкладываем духовно- нравственные основания уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи вопрос стоит... в способности отечественного уголовного судопроизводства воплощать в жизнь нравственные и духовные основы нашего народа» [1, с. 116].

И несколько далее Н. А. Бердяев, рассуждает о том, что евразийский путь развития - это путь в Империю, которая должна стать мощным щитом от покушения Запада, от навязывания им ложных ценностей для русского народа, он пишет: «Хотелось бы, прежде всего, отметить положительные стороны евразийства. Евразийцы – не вульгарные реставраторы... Евразийцы стихийно, эмоционально защищают достоинство России и русского народа против поругания, которому он предается ныне и русскими людьми, и людьми Запада...» [5, с. 125].

Такие авторы, как А. В. Агутин, Е. З. Трошкин, В. И. Панышин, радикально уверены в том, что: «Европеизация отечественного уголовного процесса ставит нашу уголовно-процессуальную науку в крайне невыгодное положение. Ей приходится тратить свои усилия на согласования двух разнородных культур, вместо того, чтобы сосредоточить свои силы и согласование элементов однородной российской (евразийской) культуры» [1, с. 122-123]. Мы полагаем, что в этом контексте, нужно оговориться, если европейские мыслители поддерживают либеральную идеологию, «синекваномом» (от лат. «Sine qua попе» - «непременное условие») которой являются «права и свободы», тогда мы полностью согласны с указанными авторами, нам в уголовно-процессуальном праве не нужна «идеология эгоизма». Действительно, в большинстве случаев западная мысль права основана на идеологии либерализма. Но если западные мыслители имеют тенденцию к традиционным культурным ценностям (*Карл Шмитт - юрист, философ и политический теоретик; Рене Генон - основатель интегрального традиционализма; Юлиус Эвола, являющийся ярким представителем интегрального традиционализма; Ален де Бенуа - автор книг «Против либерализма» [3] и «По ту сторону прав и свобод человека» [4], Эрнест Юнгер - теоретик консервативной революции; Артур Мёллер ван ден Брук - являлся переводчиком трудов Ф. М. Достоевского на немецкий язык, в своей деятельности призывал к союзу с Россией и критиковал западный либерализм и, конечно же, Мирча Элиаде, который считается американским, русским, румынским и французским философом, философом культуры, религиоведом, историком религий, этнографом и писателем. Элиаде стал известен миру в результате его исследований мифологии, а также «религиозного символизма», ритуалов, магии, шаманизма, древней техники экстаза, архаического сознания и способа мышления и мифов. Мы считаем, для русского человека не читать Элиаде - позором*), которые являются необходимым условием для русского народа, к работам таких ученых Запада нужно прислушиваться при построении русского традиционного мировоззрения, как бы некоторым это не казалось парадоксальным.

Литература

1. Агутин А. В., Трошкин Е. З., Панышин В. И. Организационно-правовой механизм обеспечения национальной безопасности ресурсами уголовного судопроизводства: монография. М.: Юрлитинформ, 2014. 160 с.
2. Агутин А. В., Агутина Н. В. Теоретические и нравственные основания принципов в современном отечественном уголовном судопроизводстве. М., 2009. С. 85.
3. Ален де Бенуа. Карл Шмитт сегодня / Перевод с французского. Институт Общегуманитарных Исследований, 2014. 192 с.
4. Ален де Бенуа. По ту сторону прав человека. В защиту свобод. / Перевод с французского. Институт Общегуманитарных Исследований, 2015. 144 с.
5. Бердяев Н. А. Евразийцы // Евразийский вестник. Берлин, 1925. Кн. 4.
6. Биюшкина Н. И. Охранительные отношения в российском государстве в период правления Александра III (март 1881-го – 1894 год). Н. Новгород, 2010. С. 21.

7. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 352 с.
8. Волков Ю. К. Философско-политические и философско-правовые интерпретации понятий преступление и наказание. Приволжский научный вестник, 2015. № 12-2 (52). С. 148.
9. Герцен А. И. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1946. 314 с.
10. Гриненко А. В. Система принципов уголовного процесса и ее реализация на досудебных стадиях: автореф. дис. ... докт. юрид. наук, проф. заслуженный деятель науки Российской Федерации /под ред. докт. юрид. наук, проф., заслуженного деятеля науки Российской Федерации О. А. Зайцева. М., 2012.
11. Дойников И. В. Актуальные проблемы предпринимательского (хозяйственного права): учеб. пособие. М., 2012. 208 с.
12. Дугин А. Г. Русская вещь. Очерки национальной философии: в 2 т. Т. 1. М.: Арктогея - центр, 2001. 624 с.
13. Дугин А. Г. Четвертый путь. Введение в Четвертую Политическую Теорию. М.: Академический проект, 2014. 683 с.
14. Жданова Г. В. Философия культуры евразийства (методологический аспект) // Вестник Московского университета. Серия 7. «Философия», 2004. № 6. С. 36-46.
15. Кант И. Основы метафизики нравственности. М., 1999. 824 с.
16. Ларин А. М. Презумпция невиновности. М., 1982. 152 с.
17. Миронова Т. Л. Броня генетической памяти. М.: Алгоритм, 2014. 352 с.
18. Новгородцев П. И. Кант и Гегель в их учениях о праве и государстве / предис. А. П. Альбов. СПб., 2000. 248 с.
19. Платон. Государство / Платон. Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. 752 с.
20. Середнев В. А. Полиграфные проверки в уголовном судопроизводстве: аргументы «против» // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2015. № 4 (34). С. 227.
21. Середнев В. А. К вопросу понятия «прав» и «обязанности»: сравнительный анализ в либеральном западном и традиционном русском сознании (рассмотрение через систему уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельности) // Отечественная юриспруденция. № 7 (9), 2016. С. 68, 67-68.
22. Смагина Г. И. Санкт-Петербургская Академия наук и просвещение в России XVIII века: образование и распространение знаний: дис. ... док. истор. наук. Санкт-Петербург, 2007.
23. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968. 470 с.
24. Тарановский Ф. В. История русского права. М., 2004. 272 с.
25. Толстоуцкий В. Ю. Гегелевская гносеология как основа понимания места следователя в системе досудебного производства по уголовному делу // Криминалистическое сопровождение расследования преступлений: проблемы пути их решения, 2016. С. 513-518.
26. Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смешение языков // Евразийский временник, 1923. Кн. 3.
27. Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София, 1920.
28. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. В 2 т. Т. 1. СПб., 1912. 592 с.
29. Цветков Ю. А. Каким быть российскому следователю или чем юрист отличается от законника? (реплика на реплику профессора О. Я. Баева) // Российский следователь, 2016. № 11. С. 26.
30. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / Пер. с нем. Ю. Коринца под ред. Д. Кузницына. СПб.: Наука, 2005. 326 с.
31. Шмитт К. Политическая теология. М: Канон-Пресс-Ц, 2000. 336 с.
32. Шмитт К. Понятие политического / Пер. с нем. А. В. Филиппов. М.: Наука, 2016. 567 с.